44. РАЗСКАЗЪ ПЛѢННИКА ѲЕДОРА ГРУШИНА.

Взятъ я въ плѣнъ въ 1819 году, весной, на третьей недѣлѣ послѣ пасхи. Отъ роду мнѣ нынѣ (1829) 36 лѣтъ. Мы вышли изъ Астрахани въ морѣ, на рыболовство, на страстной недѣлѣ, въ своемъ кусовомъ суднѣ. На третій день мы уже стояли на якорѣ подъ Мангишлакомъ, и ловили рыбу. Тутъ подошла посуда татарина Мустаева, и ее захватила тишь (безвѣтріе). Я налилъ у него боченокъ пресной воды, которой у меня мало оставалось, а онъ вскорѣ ушелъ къ берегу. Дня три спустя, въ самый полдень, когда мы отдыхали, подошла къ намъ тихонько лодка съ двѣнадцатью туркменами, напали на насъ сонныхъ, захватили и связали: насъ всего было три человѣка. Туркмены эти знали по русски; они были изъ числа разбитыхъ и ограбленныхъ киргизами, въ прежніе года, почему ихъ тогда перевезли въ Астрахань,

гдѣ они жили и послѣ опять переселились на свои мѣста. Они сами признались мнѣ, что Мустаевъ научилъ ихъ, какъ насъ, забрать. Начальникомъ ихъ былъ Ата–ніазъ*).

Насъ отвезли на берегъ и продали хивинцамъ, торговавшимъ въ Астрахани, и воротившимся оттуда на посуды Мустаева. Они погнали насъ съ верблюжьимъ караваномъ въ Хиву, гдѣ купилъ насъ всѣхъ троихъ самъ ханъ, съ котораго купцы не смѣли взять барыша и отдали насъ за тѣ же 150 червонцевъ, которые заплатили за насъ туркменамъ.

Годъ работалъ я въ загородномъ саду ханскомъ и вздумалъ еще съ двумя товарищами бѣжать. Мы благополучно пробрались въ песчаную степь, но на четвертый день встрѣтили насъ кочевые туркмены, связали и представили назадъ хану. Насъ жестоко высѣкли и опять оставили въ той же работѣ.

Прожилъ я еще два года — смерть тоска беретъ по–дому — и опять ушелъ я самъ–

---

*) Ата–ніазъ впослѣдствіи на такомъ же разбоѣ, наказанъ и сосланъ въ Сибир

другъ, и пошли мы къ персидскимъ границамъ, надѣясь, по близости, лучше туда пробраться. На десятый день, опять поймали насъ туркмены и опять представили въ Хиву.

На этотъ разъ мнѣ бы не миновать приговора — окорнать носъ и уши — если бы не сталъ за меня просить сынъ ханскій, да если бы ханъ не жаловалъ меня, по особому случаю: насъ однажды заставили таскать пшеницу, и я подымалъ и сваливалъ одинъ по мѣшку въ полтора батмана, пудовъ тринадцать; хану доложили объ этомъ, онъ самъ посмотрѣлъ и прозвалъ меня *пелюаномъ*, то есть, силачемъ, и это прозвище за мною осталось. По этому опять побили меня жестоко; а тамъ ханъ простилъ и, заставивъ поклясться, что больше не уйду, опредѣлилъ въ войско свое и далъ коня.

Вскорѣ послѣ этого столкнулся я съ другимъ хивинскимъ силачемъ, который былъ у нихъ въ большой славѣ и которому ханъ, любившій силачей, позволялъ буянить и бить народъ вволю. Ханъ

заставилъ его также поднять мѣшокъ пшеницы — и онъ поднялъ. Ступайте–жъ, помѣряйтесь чѣмъ нибудь при мнѣ, чтобъ я видѣлъ, кому изъ васъ быть пелюаномъ. Хивинецъ подлѣзъ подъ телегу съ арбузами, надулся и приподнялъ ее спиной. Полѣзъ и я въ свой чередъ, и хоть тяжело было, а приподнялъ, не хуже его. Хорошо, сказал ханъ — ну, а теперь что?

— А теперь, сказалъ я, по пустому надрываться и ломать спины нечего; пусть–ка лучше силачъ вашъ выйдетъ со мною на кулачки; такъ вотъ это дѣло скажетъ всю правду. Какъ услышитъ хивинецъ мой — то и струсился, не идетъ; Ханъ приказалъ мнѣ побить его, чтобъ раззадорить; я его ударилъ, а онъ выскочилъ, да въ народъ на базарѣ, передъ дворцомъ ханскимъ, и забился. Пойди–же, говоритъ мнѣ ханъ, найди его на базарѣ, задери, а коли драться не станетъ, такъ избей его хорошенько, чтобъ не хвасталъ и не трусилъ. Пошелъ я, поймалъ его за воротъ, онъ отъ меня задомъ, да въ бокъ, чтобъ выкрутиться. Я, по ханскому приказу побилъ его, при всемъ

народѣ, и бросилъ. Съ этихъ поръ ему ужъ и въ люди казаться стыдно стало, и вся слава его пропала; сталъ онъ тише воды, ниже травы, и буянить не смѣлъ.

Повѣривъ силѣ моей, ханъ сдѣлалъ меня придверникомъ и первымъ докладчикомъ своимъ, жить мнѣ было не худо; но изъ этой должности былъ я разжалованъ и опять пожалованъ въ нее нѣсколько разъ, признаться, просто за хмельное; а какъ только, бывало, съ горя выпью, то половину дворни ханской и разобью. Но затѣмъ вскорѣ вступилъ молодой ханъ, по смерти стараго, и я съ этого времени пересталъ пить и оставался при немъ, до самаго побѣгу.

Молодой ханъ поѣхалъ на охоту, въ камыши, къ Аральскому морю, гдѣ разоренный городъ Кунградъ и ханскій домъ съ садами, и взялъ съ собою и меня. Тутъ ханъ узналъ, что двое русскихъ, бѣжавшихъ отъ него за нѣсколько времени, сдѣлали это при моей помощи. Ихъ точно вывезъ изъ Хивы одинъ киргизъ, по уговору со мною, и они разсказали объ

этомъ въ Астрахани, отколѣ вѣсть дошла, черезъ тамошнихъ азіатцевъ, до Хивы. Хану хоть и жаль было меня, но онъ положилъ, что если тотъ киргизъ, который увезъ плѣнниковъ и котораго ханъ надѣялся поймать, покажетъ подъ пыткою на меня, то казнить меня смертію, безъ всякой пощады.

Дѣло плохо, подумалъ я, коли киргиза поймаютъ, то будетъ поздно; надо до поры, до времени убираться. Сговорился я еще съ тремя надежными ребятами, которые были тутъ же съ ханомъ, и съ Богомъ положили мы уйти на самый рождественскій сочельникъ.

У меня была своя полевая палатка, я и поставилъ ее на чистомъ мѣстѣ, за ханскимъ дворомъ, а самъ легъ, какъ всегда, поперегъ порога ханской почивальни. Тутъ, рядомъ со мною, вся дворня ханская. Когда всѣ заснули, то я вышелъ тихонько и велѣлъ осѣдлать четырехъ коней, бывшихъ подъ моимъ присмотромъ, при палаткѣ моей, а самъ воротился, чтобы еще взять ханскихъ

лучшихъ лошадей, съ конюшни его. Три оброти перерѣзалъ я благополучно, ухватился за четвертую — тутъ проснулся сторожъ, нашъ же русскій плѣнникъ, и окликнулъ меня. Я испугался: на дворѣ было о ту пору человѣкъ до тысячи; хоть они и спали, а чуть только сдѣлайся тревога — бѣда! Я, съ тремя конями, выскочилъ на задворокъ, гдѣ товарищъ Резановъ стоялъ съ осѣдланными лошадьми; и мы съ ними кинулись на конь, ухвативъ по запасной лошади за–поводъ, и поскакали. Товарищи наши какъ–то оплошали, не то оробѣли, они не поспѣли за нами; а при нихъ остался весь харчъ, не было ровно ничего.

Гнали мы, среди темной ночи, и въ хвостъ и въ голову, и къ свѣту поспѣли въ камыши, на Аральскомъ морѣ, и пролежали тамъ весь день Рождества. Ночью поѣхали далѣе — и чуть было не наткнулись на бѣду: Ханъ послалъ за нами въ погоню человѣкъ 70, и ихъ–то мы объѣхали, сонныхъ, — либо, можетъ статься, не

захотѣли они трогать насъ, зная, что мы съ полнымъ оружіемъ и даромъ не дадимся.

На третій день и лошади, и мы, выбились изъ силъ. Что у нихъ, то у насъ, трои сутки ничего на зубъ не попадало, а морозы стояли порядочные. Дѣлать было нечего; чѣмъ пропадать голодомъ, поискать киргизскаго кочевья, — что Богъ дастъ! Наконецъ, послѣдняго декабря утромъ, на седьмой день, нашли мы табунъ конскій, а тамъ доискались и кочевья. Мы сказались татарами, будто бѣжавшими давно изъ Россіи, и что ѣдемъ теперь назадъ, провѣдать, можно ли намъ воротиться по манифесту. Насъ накормили, старшина принялъ насъ хорошо, повѣрилъ во всемъ и обѣщалъ помощи. Мы отдали ему пару измученныхъ коней ханскихъ и оружіе свое, чтобы онъ отправилъ насъ, съ вожатымъ и съ харчами своими, до линіи, до русской границы; все было слажено, какъ вдругъ нелегкая принесла въ кочевье этихъ двухъ киргизовъ, — одного звали Култай — которые бывали въ Хивѣ, видѣли и знали меня.

Култай сперва сталъ уговаривать хозяина моего, представить насъ въ Хиву, обѣщая большихъ наградъ отъ хана, а какъ тотъ не соглашался, то у нихъ дѣло дошло до ссоры и драки, и Култай, стращая старшину, что ханъ велитъ его казнить, отнялъ насъ и сталъ совѣтоваться съ товарищемъ своимъ, что дѣлать: если, говорили они, отведемъ ихъ въ Хиву, такъ, того гляди, отъ русскихъ намъ достанется, потому что мы близко границъ русскихъ кочуемъ; а коли отпустимъ ихъ въ Россію — узнаетъ ханъ и сгубитъ насъ. По этому они рѣшили: убить насъ тайкомъ, чтобы никто объ этомъ не зналъ, и сказать и хану и русскимъ, что мы бѣжали отъ нихъ дорогой, а куда дѣвались — неизвѣстно. По этому завязался опять между всѣми киргизами споръ; наконецъ всѣ будто согласились везти насъ въ Россію, поѣхали и взяли насъ съ собой.

Отъѣхавъ верстъ 20, они стали раздѣвать насъ и обирать и ужъ раздѣли до нага, какъ опять завязался споръ и начали другъ друга стращать; покричавъ и

пошумѣвъ, велѣли, однако, намъ одѣться и поѣхали дальше. Я во все время кричалъ и бранился съ ними, говоря, что это имъ даромъ не пройдетъ, что ужъ доберутся до нихъ казаки наши, если они насъ убьютъ. За бойкость эту они меня больше боялись и за мною присматривали; мнѣ мудрено было уйти; а Рязанову, какъ смирному человѣку, они вѣрили и объ немъ меньше заботились. Вотъ я и шепнулъ ему: бѣги ночью, здѣсь кочевья по близости есть, да въ первомъ становище и разскажи все; тутъ не далече до границы, такъ здѣшніе киргизы побоятся и заступятся за насъ.

Рязанова нагнали и поймали, но онъ успѣлъ повидаться со сторонними киргизами, которые пустились съ этою вѣстію къ своему старшинѣ. Между тѣмъ мучители наши, чтобы уйти отъ погони, вдругъ рѣшились везти насъ опять назадъ, въ Хиву. Но старшина султана уже узналъ объ насъ и поимщики наши струсили; подумавъ, они опять воротились и повезли насъ сами въ Россію, разсчитавъ, что выгоднѣе получить тамъ за насъ награду,

чѣмъ уступить насъ старшинѣ. Но гонцы султанскіе все таки нагнали насъ и привели къ нему. Онъ содержалъ насъ дня два хорошо, а потомъ отправилъ въ Оренбургъ.